

УДК 94(477.75)

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.19813529](https://doi.org/10.5281/zenodo.19813529)

**ФОРМУЛЫ ТЕКСТА ПРИСЯГИ ДЛЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАРАИМОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Прохоров Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: prohorov1da@yandex.ru*

Рассмотрены вопросы, связанные с трансформацией текстов присяги, разработанной для крымских татар и караимов, отразившихся в законодательных актах Российской империи в период с конца XVIII до начала XX в. На основании документов, выявленных автором в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург) и Государственного архива Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь), часть из которых ранее не вводилась в научный оборот, а также опубликованных законодательных актов и распоряжений российского правительства, документации региональных органов власти и учреждений конфессионального самоуправления крымских татар и караимов, прослежены изменения в юридических формулировках, которые вводились в билингвальные тексты присяги для крымскотатарского и караимского населения империи. Проанализированы различные варианты текстуальной части присяги, применявшиеся в судебной, военной и гражданской практике (например, в присяге на верность российскому престолу, Временному правительству, присяге для проведения генерального межевания в Таврической губернии, для свидетельств в судебных инстанциях, для поступления на службу в ряды русской армии и флота, и т.п.). Сделан вывод, что разнообразие форм присяги, разработанной для старожильческих народов Крыма, было направлено на широкую инкорпорацию инородческого населения страны в российский социум.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, караимы, присяга, гражданское право, законодательство

В конце XVIII – первой половине XIX в. в связи с присоединением Крыма к России произошли существенные изменения в правовом и социально-экономическом статусе крымских татар и караимов. Императрица Екатерина II манифестом 8 апреля 1783 г. провозгласила Крымский полуостров частью Российской империи. Манифестом декларировалось, что местное население отныне будет находиться под защитой законов Российской империи: «...обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их наравне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно». Местным жителям были обещаны все гражданские права и преимущества, какие распространялись на все остальное население Российской империи. От новых подданных в ответ требовалось, «что они в счастливом своем превращении из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный потщатся верностью, усердием и благонаравием уподобиться

древним Нашим подданным и заслуживать наравне с ними Монаршую Нашу милость и щедроту» [13, с. 897–898].

Текст высочайшего манифеста был обнародован в ходе торжественной присяги крымской знати, которую принимал лично правитель Новороссии светлейший князь Г. А. Потемкин. Первыми присягнули представители крымско-татарской знати (среди них было «избранное общество крымское под начальством Ширинского Бейя, состоявшее из Ширинских, Мансурских, Кипчакских, Яшлавских, Соблавских, Буручацких, Даирских и Ократских Беев, из капыхалков, то есть придворных, и из первейшего духовенства»), а также представителей всех остальных категорий населения Крымского полуострова (в частности, присягали жители городов Карасубазара, Кефе, Бахчисарая, Гезлева, Акмечети, Перекопа, а также многочисленных крымских деревень). В июле 1783 г. также присягнули на верность российскому престолу кочевавшие в степях Северного Причерноморья ногайские татары (а именно, присягу принимал Халил ага эфенди, от имени Едисанской, Джамболукской, Едичкульской и Кусаевской орд), татары, проживавшие на Кубани, и черкесы [8, с. 73–74]. В ордере от 12 июля 1783 г. Г. А. Потемкин сообщал российскому дипломату Я. И. Булгакову, что «все знатнейшее правительства здешнего – бей, мурзы, духовенство и избранные из народа в общем здесь собрании подверглись спокойно и без принуждения в подданство Ея Императорского Величества, учинили торжественную присягу, которая и по всему Крыму теперь происходит с полною тишиною и по доброй воле жителей». Празднества сопровождалось угощениями, играми, скачками и пушечным салютом, о чем Г. А. Потемкин также оповестил Я. И. Булгакова. При этом части крымских татар была предоставлена возможность выбора: или принять присягу, или «удалится отсюда, буде которые не восхотят остаться в российском подданстве» [10, с. 274–275].

13 декабря 1784 г. Сенат утвердил штаты административных учреждений Таврической области. Среди назначенных на должности чиновников были представители крымскотатарской знати. Перед тем, как приступить к исполнению своих обязанностей, все они должны были присягнуть на верность российскому престолу. Текст традиционного для подобных случаев документа, в связи с конфессиональными особенностями, потребовал соответствующей модификации. Поэтому для мусульман разработали особую формулу присяги, начинавшуюся словами: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и Великим пророком Магометом, пред четырьмя справедливейшими святыми книгами его Инджит, Забур, Таурат и Коран Всемилостивейшей Державнейшей Государыне Ея Императорскому Величеству Самодержице Всероссийской Екатерине Алексеевне, Ея Высокому Наследнику Государю Цесаревичу и наследнику и Великому князю Павлу Петровичу и по нем всем высоким законным Всероссийского престола Наследникам верным, добрым и полезным рабом и подданным быть» [2, л. 93, 93 об.]. Текст присяги на русском языке параллельно сопровождался текстом на татарском, выполненным арабской графикой. После церемонии приведения к присяге под присяжными листами поставили свои подписи представители родов Ширинских, Аргинских, Балатуковых, Чалбашевых, Ногаевых, а также других знатных фамилий.

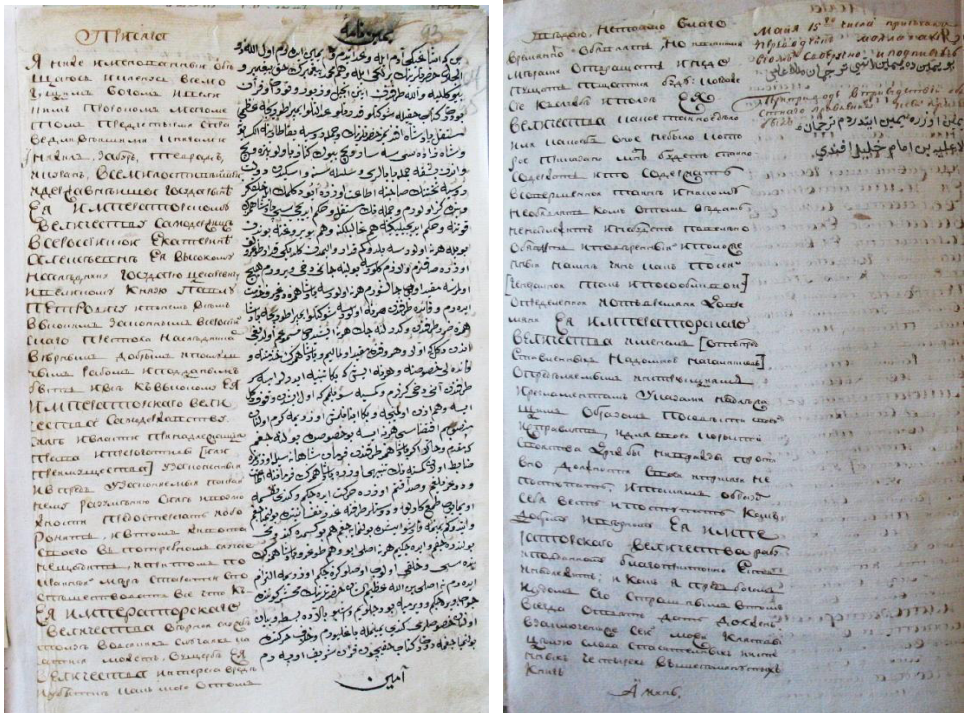

Рис. 1. Билингвальный текст присяги для мусульман Таврической области (1785 г.). (ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 5. Л. 93, 93 об.)

Несмотря на различные экономические и политические предпочтения, предоставленные крымским татарам после присоединения Крыма к России, в конце XVIII в. значительная их часть эмигрировала в Турцию. Произошло это из-за недальновидной политики администрации и массового обезземеливания крымских татар. Бесконтрольная и бессистемная раздача земель полуострова российским вельможам, помещикам и бенефициарам из числа высшей крымско-татарской знати привела к тому, что попытка генерального межевания земель в Крыму, предпринятая еще в 1798 г., была признана неудачной, а созданная в 1802 г. «Комиссия для разбора поземельных споров» в Крыму ничего существенного в урегулировании этого вопроса не сделала. Вскоре перед российским правительством вновь стал вопрос о необходимости генерального межевания земель в Крыму. 1 мая 1830 г. учрежденная для этих целей Симферопольская Межевая Комиссия и Контора, в соответствии с указом 28 июня 1830 г., приступила к своей работе [15, с. 684–685].

Для решения поставленных правительством задач были разработаны определенные правила, которыми следовало руководствоваться чиновникам, привлеченным для работы Межевой Конторы в Крыму. В числе прочих документов,

был составлен текст, и в соответствии с ним следовало «приводить понятых людей магометанского закона» к присяге при определении межевых границ. Вот что представляла собой формула этой присяги: «Я ниже поименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом и Великим Пророком Магометом, пред четырьмя священными книгами: Инджит, Теврат, Зебур и Куран, что во время произведения Государственного межевания, снятия планов и поверки прежде межеванный дач, также при спорах о принадлежности земель или по каким точно местам каждого владельца и казенного селенья владенье происходило до 1783 года, то есть: до присоединенья Крыма к России, и как оно после распространено было, равно как и о всем том, о чем токмо у меня спрашивается будет, имею показать самую истину, не уважая родства, дружбы, корысти, ниже какой вражды, как пред Богом и Судом Его страшным всегда ответ в том дать могу; буде же в чем против совести докажу неправду или утаю: то подвергаю себя казни Божьей и строжайшему по Государственным законам наказанию, и сверх того по природной моей вере глаголю: Юч-далак, Бож-алсун то есть: лишиться имею навсегда законных моих жен, и в заключение сей моей клятвы целую Святую книгу Куран. Аминь, Аминь, Аминь» [14, с. 50–59].

Важно подчеркнуть, что легитимация клятвы мусульманина, приносимой государственной власти, могла привести к проблемам правового характера, и, в частности, к необходимости удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином. Во избежание возникновения подобных ситуаций Правительствующий сенат 28 ноября 1831 г. принял постановление «О присяге для Магометан, при допущении их к свидетельству в делах с Христианами, или одних Христиан» [16, с. 231–233]. Текст фетвы таврического муфтия Сеита Джемиль эфенди от 21 июля 1831 г., предварявший постановление, гласил: «Между мугаммеданами, живущими в России, существовало в некоторых местах ложное мнение, что мусульманин может лживо присягать против христианина, и никакого греха в такой ложной присяге полагать не должен <...> Ныне от правительства обнародовано наставление муфтия, и повелено читать его каждый раз тому мугаммеданину, который, в случае судного дела, должен будет принимать присягу по своему закону» [цит. по: 7, с. 6–8]. Постановлением Сената 28 ноября 1831 г. уточнялось, чтобы данное наставление зачитывалось в присутственных местах мусульманам каждый раз, когда они допускались к свидетельству или к присяге в делах с христианами, или одних христиан. При этом статс-секретарь Д. Н. Блудов дополнил, что он с своей стороны предписал таврическому муфтию, «дабы изъясненное наставление обнародовано было тамошним Магометанам, чрез их Имамов и Мулл, в их мечетях» [16, с. 231–232].

Постановление Сената подкреплялось и обращением муфтия к кадиям: «Раздав с сего моего наставления всем приходским Муллам и Хатибам копии, обяжите подписками, дабы они каждую Пятницу и праздник внушали и подтверждали своим прихожанам, и народу растолковывали бы действовать сообразно оному <...> По долгу присяги сана моего, по долгу истинного верноподданства, имея попечение о пастве Мусульман, мне врученной, узнал я, что некоторые отступники веры,

погрязшие в пьянстве по развращенным правилам, не имея уважения к созерцаниям духовным, в сатаническом наваждении своем смущали народ, что якобы в тяжбах с Христианами, ложно свидетельствовать и присягать лицемерно, не только безвредно, но еще позволено Св. Алкораном. Так искажали словеса Божий и изрыгали клеветы свои! Но прочь хулы сии! Нет ни одного стиха в Алкоране, свидетельствующего о таковых превратных тяжбах и ни одно исповедание ни в каком случае не допускает умышленной присяги: ибо присяга, в какой бы то вере ни было и об чем бы ни было, есть обет Всевышнему об удостоверении в истине сомнительного, как сам Бог рек: «Исполняйте по обету, данному Богу, как условились». А потому умышленно присягающие, кроме мзды тягчайших наказаний в сем мире, в будущем будут мучены мучениями жесточайшими и по словам Божиим: «Воздастся по союзу вашему с верою» и по словам Пророка: «Ложно присягнувшего, ввергнет в огонь геенский» [16, с. 231–233].

25 апреля 1850 г. правительство обнародовало указ «О новой форме присяги по судебным делам для Магометан», в соответствии с которым определялся порядок приведения к присяге мусульман в судебных инстанциях. В тексте документа пояснялось, что он принят с дополнениями, предложенными государственным канцлером иностранных дел и министром внутренних дел с той целью, чтобы форма присяги, после внесения соответствующих поправок, сделанных в Азиатском департаменте МВД, «не была обнародываема во всеобщее сведение». Согласно заключению министра юстиции, вместе с правилами текст присяги должен был быть разослан должностным лицам и в присутственные места. Так, в перечне «Правил, которые имеют быть соблюдаемы до приведения лиц Магометанского исповедания к присяге», разработанном Комитетом министров, устанавливалось, что лица, приводимые к присяге, должны были сначала совершить предписанное законом омовение, потом в присутствии муллы, держа с почтением правую руку на Коране, произносить со вниманием и благоговением слова присяги, по данной форме, устремив взгляд в это время на священную для мусульман книгу. В том случае, если приводившийся к присяге мусульманин был неграмотным, мулла, прочитав и объяснив ему содержание присяги, должен был внятно и медленно произнести ее текст, и вместе с тем заставить присягавшее лицо повторить его за ним слово в слово, вслух и внятно [19, с. 410; 23, л. 1–50].

Что касается самой юридической формулы клятвы для мусульман Российской империи, то она выглядела следующим образом: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, над Святым Его Кораном, в том, что по делу, по которому я призван и спрашиваю буду, имею показать, по самой сущей правде, «Валлаги, Билляги, Таллаги»; все, что я видел и слышал и все, что знаю, не утаивая, не прибавляя и не убавляя ничего, и не норовя ни на какую сторону, ни для родства, дружбы, вражды и взяток, ниже страха и угрозы ради; но так как пред Всевышним Богом и судом Его страшным в том ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы, я с благоговением прикасаюсь к священному Корану» [19, с. 411]. Присяга мусульманина сопровождалась троекратным упоминанием имени Аллаха: в приведенном тексте сформулирована устаревшая русская транслитерация с

применением трех частиц клятвы, имеющихся в арабском языке: ва-, би-, та- (совр. звучание: «валлахи, биллахи, тааллахи») [9, с. 147–150].

29 января 1834 г. последовал указ «О приводе к присяге окончательно принятых рекрут в церквах того исповедания, к коему кто из них принадлежит», которым, в частности, определялось: «...окончательно принятых рекрут непременно приводить к присяге в церквах того исповедания, к коему кто из них принадлежит; принимаемых же из Магометан, в Рекрутских Присутствиях, а из Евреев в синагогах, или школах» [17, с. 94]. Военная присяга в русской императорской армии в текстуральных формулировках для мусульман также имела свои отличительные особенности. Так, «Присяга мусульман, поступающих в военную службу», в соответствии со «Сводом военных постановлений 1869 года», гласила: «Поступающие на военную службу магометане приводятся к присяге по особой форме <...> на том из принятых в оной пяти языков, какой известен присягающему» (текст присяги мог произноситься на арабском, персидском и турецком языках, джагатайско-татарском и азербайджано-турецком наречиях). При этом порядок приведения к присяге лиц из числа мусульман устанавливался следующий: «1) присягающий должен во время присяги держать два перста правой руки своей на раскрытом Алкоране, повторять слова присяги, которые ему читает духовное лицо магометанской веры, и по окончании клятвы целовать слова Алкорана». Присутствующие при этом представители военного ведомства должны были наблюдать, чтобы духовные лица из числа мусульман, во время чтения присяги, а в особенности при ее окончании, не произносили фразы по-арабски: «...инша аллах, а по-татарски: аллах-тилясе (т.е. Богу угодно)», а также не изменяли своего места и положения, и чтобы после каждого продолжительного с их стороны перерыва чтения, «как-то: кашля, обморока и проч.[ее], они возобновляли чтение присяжного листа». В тех же случаях, если по месту принятия присяги не оказалось бы духовного лица-мусульманина, то приведение к присяге возлагалось на кого-либо из грамотных мусульман; если же присягавший умел читать, то ему предоставлялось право произносить слова присяги самому. «За неимением же грамотных мусульман и за безграмотностью приводимого к присяге, лицо, наряженное для привода к оной, должно читать ему слова присяги, написанные русскими буквами», – говорилось в тексте инструкции [24, с. 54–58; 1, с. 254–255].

Формула присяги, разработанная для караимского населения Российской империи, несколько раз трансформировалась в течение XIX – начале XX в. Приведение к присяге лиц духовного звания вышестоящим начальством оговаривалась в тексте «Положения о Таврическом Караимском духовенстве», принятом в марте 1837 г., когда крымские караимы официально получили право на конфессиональное самоуправление. 7 января 1842 г. правительство издало постановление «О форме присяги для караимов с сохранением их достоинства». На трех языках (на русском и еврейском языках, а также «на татарском языке, писанном еврейскими буквами») были оформлены тексты присяжных листов для вновь избранного караимского духовенства (газзанов и шамашей), по которым они, в уездных судах губернии или же в Симферопольском окружном суде, в

присутствии уездного стряпчего приводились к присяге на верность российскому престолу. Помимо этого, была также разработана формула присяги для лиц, выступающих в качестве свидетелей и присяжных заседателей в судебных инстанциях [18, с. 6–8].

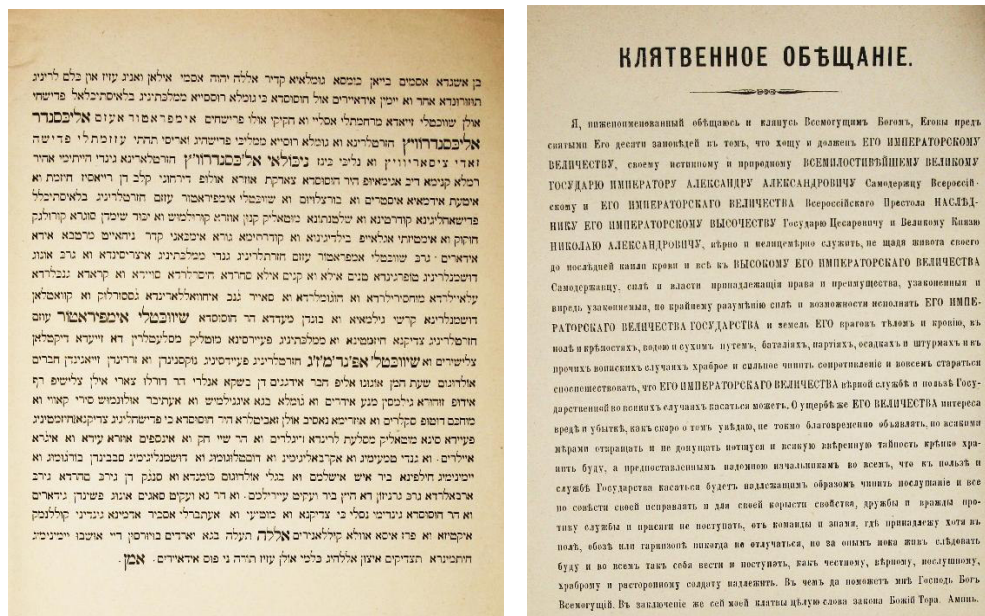

Рис. 2. Билингвальный текст присяги на верность российскому престолу для караимов (ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 114. Л. 1, 1 об.)

Поначалу приведение к присяге караимского гахама, газзанов и шамашей осуществлялось в уездных судах лицами прокурорского надзора, в присутствии уездных стряпчих, однако затем, в соответствии со указом № 43077 от 7 марта 1866 г., при принятии присяги караимским духовенством участие представителей прокурорского надзора уже не требовалось [20, с. 225–227]. А так выглядел текст присяги на верность, составленной для караимов в эпоху правления императора Александра III: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, [И]Еговы пред святыми Его десяти заповедей в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилодивейшему Великому Государю Императору Александру Александровичу Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего до последней капли крови и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавцу, сил и власти принадлежащие права и преимущества,

узаконенный и впредь узаконяемые, по крайнему разумению сил и возможности исполнять Его Императорского Величества Государства и земель Его врагов телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, баталиях, партиях, осадках и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что Его Императорского Величества верной службе и пользе Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса вреда и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо [за]благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти свойства, дружбы и вражды противу службы и присяги не поступать, от команды и знамя, где принадлежу хотя в поле, обозе или гарнизоне никогда не отлучаться, по за оным пока жив следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущей. В заключение же сей моей клятвы целую слова закона Божий Тора. Аминь» [5, л. 1 об.]. Очевидно, что ее текст фактически повторял формулу, разработанную для «Присяги воина русской императорской армии и русского императорского флота на верность Царю и Отечеству».

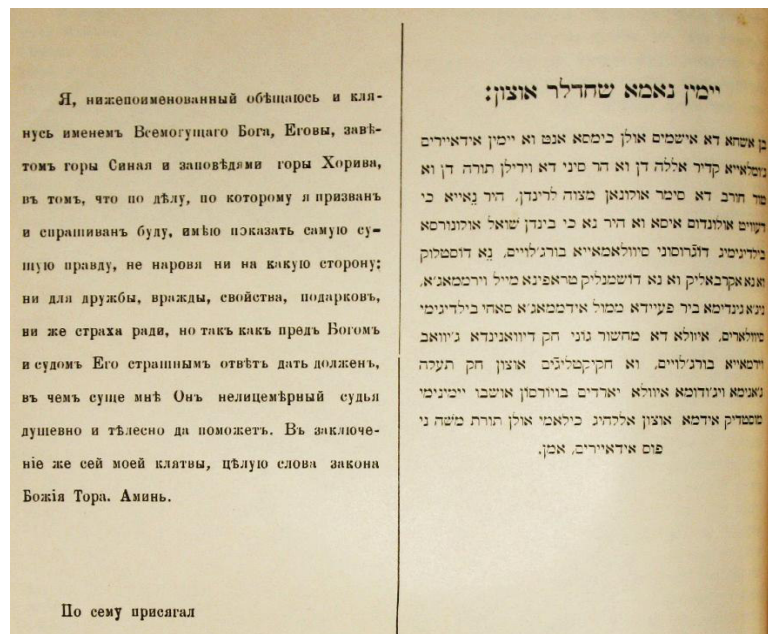

Рис. 3. Билингвальный текст присяги караимов для произнесения в судебных учреждениях (ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 114. Л. 2 об.)

Что касается формулы присяги караимов, составленной для судебных инстанций, то ее текст несколько отличался от текста присяги на верность: «Я, нижепоименованный обещаюсь и клянусь именем Всемогущего Бога, [И]Еговы, заветом горы Синая и заповедями горы Хорива, в том, что по делу, по которому я призван и спрашиван буду, имею показать самую сущую правду, не нароя ни на какую сторону; ни для дружбы, вражды, свойства, подарков, ниже страха ради, но так как пред Богом и судом Его страшным ответ дать должен, в чем суще мне Он нелицемерный судья душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы, целую слова закона Божия Тора. Аминь. По сему присягал [имярек]» [5, л. 2 об.].

Необходимо сказать о том, что существовавшая практика приведения к присяге представителей караимских общин подразумевала их участие в различных мероприятиях судебного и административного характера. Например, в апреле 1880 г. Евпаторийская мещанская управа извещала Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) о том, что в помещении управы должно было вскоре состояться определение о включении нового члена в состав караимской общины: «30-го числа сего апреля месяца имеет быть приглашено в управу Караимское общество для составления приговора о желании или нежелании принять в среду свою арестанта Берко, до составления какового приговора общество должно принять присягу». С этой целью ТОКДП отправило к назначенному заседанию газзана для принятия присяги и подписания караимами присяжного листа. А в мае и октябре 1880 г. председатель Симферопольского окружного суда уже обращался к Таврическому и Одесскому караимскому гахаму С. М. Панпулову с просьбой явиться на судебные заседания Временного уголовного отделения этой судебной инстанции, намеченные для проведения в Евпатории с 16 по 29 июня и с 23 октября по 5 ноября 1880 г., для приведения к присяге лиц караимского вероисповедания [3, л. 30, 30 об., 35, 39, 51].

После Февральской революции 1917 г., в связи с глобальными изменениями в политической и общественной жизни государства, трансформировался и текст присяги, что находит документальное подтверждение в архивных документах. Так, например, в фонде 241 Государственного архива Республики Крым (ГАРК) выявлены дела, в которых собраны материалы по данному вопросу: «О приведении караимского населения к присяге на верность службы Российскому государству» [4, л. 1–32], «О новой форме присяги для караимов» [5, л. 1–4], «Присяга на верность подданства. Клятвенное обещание на русском и караимском языках» [6, л. 1–7]. В них сконцентрированы документы, разъясняющие суть произошедших изменений в политическом строе России, и даны соответствующие указания для членов ТОКДП. С приходом к власти Временного правительства последовали изменения в государственной присяге для всех граждан России.

Вот что представляла собой новая версия текста клятвы на верность государству, принятая 7 марта 1917 г.: «Клянусь честью офицера (солдата) и гражданина и обещаюсь перед Богом и своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству. Клянусь служить ему до последней капли крови, всемерно способствуя славе и процветанию Русского

ФОРМУЛЫ ТЕКСТА ПРИСЯГИ ДЛЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАРАИМОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ...

государства. Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа, при посредстве учредительного собрания. Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах исключительно пользу Государства и не щадя жизни ради блага Отечества. Клянусь повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им полное послушание во всех случаях, когда того требует мой долг офицера (солдата) и гражданина пред Отечеством. Клянусь быть честным, добросовестным, храбрым офицером (солдатом) и не нарушать своей клятвы из-за корысти, родства, дружбы вражды. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и ниже подписуюсь».

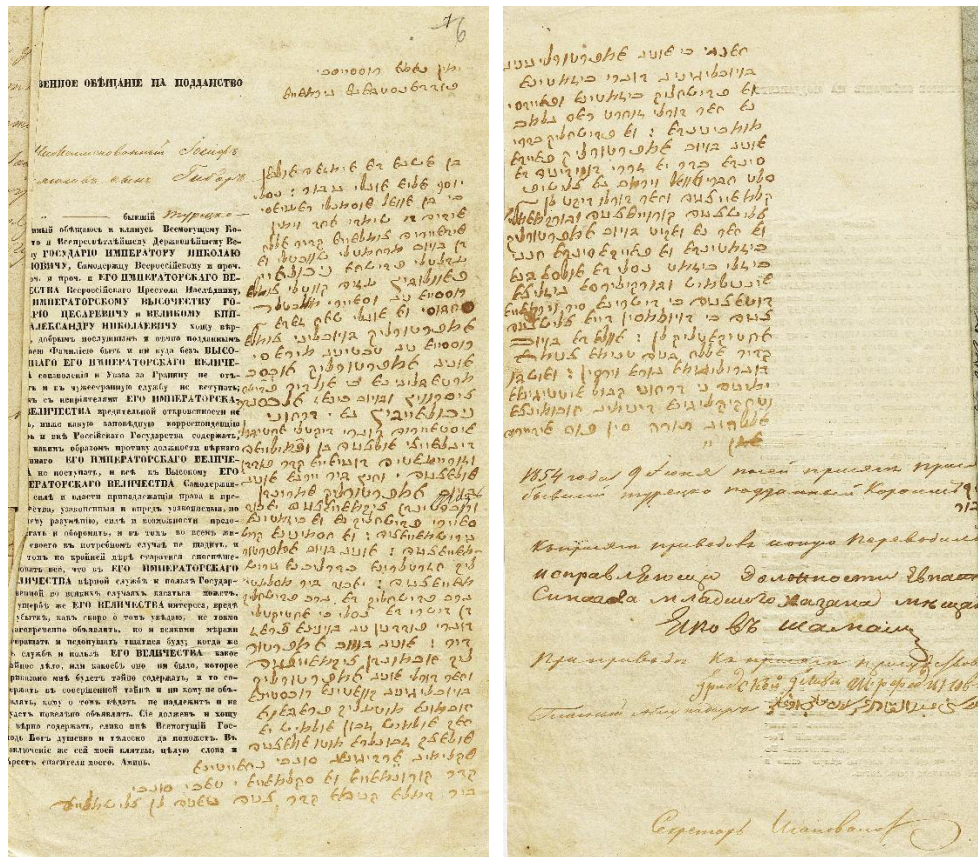

Рис. 4. «Клятвенное обещание на подданство» (на русском и караимском языках) Иосифа Гибора, 1854 г. (ГАРК. Ф. 518. Оп. 1. Д. 30. Л. 6, 6 об.)

В тексте клятвы на верность было сделано пояснение о том, что настоящая форма присяги предназначена исключительно для лиц православного и римско-католического вероисповеданий. Для представителей лютеранской и иудейской конфессий из заключительной части присяги должна была быть изъята фраза «осеняю себя крестным знамением»; для мусульман присяга заканчивалась формулировкой: «...заклячая сию мою клятву целованием преславного Корана и ниже подписуюсь». Что касалось язычников и лиц, не приемлющих присяги по их вероучению, начальную фразу присяги следовало произносить так: «...честью офицера (солдата) и гражданина обещаю пред своею совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему Отечеству»; кроме того, из заключительной фразы присяги исключались слова: «осеняю себя крестным знамением» [4, л. 15].

26 апреля 1917 г. специальным журнальным определением Временного правительства марта была модифицирована форма результирующей части государственной присяги для караимов. Отдельным пунктом в нее вносилась следующая формулировка: «Заклячая сию молитву целованием слов Божия Закона Святыя Библии и ниже подписуюсь» (ранее, во время царствования последних представителей династии Романовых – Александра III и Николая II – текст присяги для лиц караимского вероисповедания заканчивался словами: «В заключении же сей моей клятвы целую десять заповедей Адонай», или же «В заключении же сей моей клятвы целую слова закона Божия Тора») [11, с. 4; 6, л. 1–7; 5, л. 3].

Соответствующие варианты текста новой присяги с необходимыми формулировками для принятия ее караимами были разосланы в города и уезды Российской империи, где имелись караимские общины. Таврическому и Одесскому караимскому гахаму С. М. Шапшалу соответствующее распоряжение 12 марта 1917 г. направил бывший председатель Губернской земской управы (а с 9 марта 1917 г. – Таврический губернский комиссар) Я. Т. Харченко, с приложением 100 экземпляров текста новой присяги. «Прошу безотлагательно, – говорилось в тексте этого документа, – сделать распоряжение о приведении караимского населения губернии к присяге на верность службы Российскому государству». В свою очередь, С. М. Шапшал обратился в циркуляре ко всем караимским общинам полуострова с указанием о том, чтобы в ближайшее время все лица караимского вероисповедания старше 12 лет, проживавшие в городах губернии, были приведены к присяге. Причем отдельно упоминалось о том, что женщины могли присягнуть на верность Временному правительству только при изъявлении ими личного желания. При этом делалось одно важное уточнение – при приведении к присяге караимов личного присутствия представителя местной администрации не требовалось (ранее при всех подобных мероприятиях это было обязательным условием) [4, л. 1, 3, 3 об., 4].

19 марта 1917 г. присягу приняли прихожане караимской кенасы Николаева. В Крыму одними из первых присягали члены караимской общины Бердянска (а именно, 26 марта 1917 г.), о чем гахаму сообщал бердянский газзан С. М. Кумыш. Также в ТОКДП поступили присяжные листы с подписями от караимских общин Бахчисарая, Севастополя, Феодосии, Мелитополя, Армянского Базара, Евпатории.

16 апреля 1917 г. присягу Временному правительству принесли караимы Киева [4, л. 5, 7, 8 об., 9–12, 13–17, 23–24, 25–27 об., 30–34].

Вместе с тем, в процессе осуществления акта присяги Временному правительству неоднократно возникали различного рода недоразумения, вызванные политической неразберихой и несогласованностью действий исполнителей. Например, ТОКДП вынуждено было возвратить газзану мелитопольской общины С. Ельяшевичу присяжный лист с подписями, поскольку на нем отсутствовали удостоверяющая подпись газзана и печать кенасы. А в апреле 1917 г. в ТОКДП поступило обращение габбая Херсонской общины Э. Б. Майтопа, в котором он указал на ряд несоответствий, возникших при исполнении акта присяги херсонскими караимами. В частности, он информировал ТОКДП о том, что члены общины ожидали распоряжений гахама относительно присяги, и поэтому группа караимов, состоявших на службе в различных госучреждениях, а также учащаяся караимская молодежь не изъявила желания присягать по месту службы и учебы, имея намерение осуществить это совместно с членами своей общины. Поэтому был назначен единый день для голосования, а именно, 26 марта 1917 г.

Поскольку в соответствии с распоряжением ТОКДП один из членов местной общины, Е. С. Фуки, был допущен к исполнению обязанностей газзана Херсонской караимской кенасы (но без права на ведение метрических книг), то формально он имел право привести членов общины к присяге, что и было им исполнено 26 марта 1917 г. Присяжный лист с личными подписями херсонских караимов также был составлен без нарушения правил и оправлен в Евпаторию. Однако 2 апреля 1917 г., неожиданно для всех, в Херсон прибыл газзан из Николаева, С. С. Иртлач-Мангуби, который стал настаивать на повторном собрании общины с целью приведения караимов к присяге, мотивируя это тем, что Е. С. Фуки не имел права принимать присягу, и что по предписанию ТОКДП, это должен был сделать именно С. С. Иртлач-Мангуби. При выяснении всех обстоятельств этого противоречивого дела выяснилось, что младший газзан С. С. Иртлач-Мангуби получил официальное разрешение от духовного правления на проведение к присяге караимов Николаева, Херсона и Скадовска. Однако в ТОКДП разъяснили, что и Е. С. Фуки, допущенный к исполнению обязанностей газзана, тоже имел на это право. Поэтому духовное правление вынесло вердикт, что данный «инцидент должен рассматриваться как случайное недоразумение, происшедшее вследствие недосмотра Канцелярии Духовного Правления, своевременно не предупредившего Е. С. Фуки о предстоявшей официальной командировке» в Херсон газзана С. С. Иртлач-Мангуби [4, л. 18, 29].

Таким образом, можно заключить, что формулы текстов присяги для мусульман и караимов в правовом поле Российской империи составлялись с учетом конфессиональных особенностей «инородческого» населения государства, претерпевая различные трансформации с учетом требований времени. Вариации текстуальной версии присяги у христиан, мусульман, евреев, караимов состояли в конфессиональных различиях, а также имели свои региональные особенности [21, л. 3–90; 22, л. 4–48]. Помимо присяги на верность российскому престолу, у мусульман также существовали такие варианты формулы присяги, как: для

проведения генерального межевания в Таврической губернии, для свидетельства в юридических инстанциях, а также для службы в рядах русской армии. Содержание присяги на верность российскому престолу у караимов было модифицировано лишь с трансформацией российского законодательства после Февральской революции 1917 г.

Список использованных источников и литературы

1. Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // *IVS ANTIQVVM. Древнее право.* – 2022. – № 2(10). – С. 252–262.
Arapov D.Yu. Prisyaga musul'man v rossijskikh zakonodatel'nykh aktakh i yuridicheskoy literature XIX v. // *IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo.* – 2022. – № 2(10). – S. 252–262.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 799. Оп. 1. Д. 5.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 799, op. 1, d. 5.
3. ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 280.
GARK, f. 241, op. 1, d. 280.
4. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 11.
GARK, f. 241, op. 2, d. 11.
5. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 13.
GARK, f. 241, op. 2, d. 13.
6. ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 114.
GARK, f. 241, op. 2, d. 114.
7. Зайцев И. В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // *Отечественная история.* – 2008. – № 4. – С. 3–9.
Zajcev I.V. Problema udostovereniya klyatvennykh obyazatel'stv musul'manina pered khristianskoj vlast'yu v Rossii XVI–XIX vekov // *Otechestvennaya istoriya.* – 2008. – № 4. – С. 3–9.
8. Иванов П. А. Из дел Московского отделения архива Главного Штаба. II. Извлечение из «Журнала реляциям кн. Потемкина, Ея Императорскому Величеству подаваемым» // *ИТУАК.* – 1893. – № 19. – С. 71–78.
Ivanov P. A. Iz del Moskovskogo otdeleniya arkhiva Glavnogo Shtaba. II. Izvlechenie iz «Zhurnalnaya relyaciyam kn. Potemkina, Eya Imperatorskomu Velichestvu podavaemym» // *ITUAK.* – 1893. – № 19. – S. 71–78.
9. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д. Ю. Арапов. – М.: ИКЦ Академкнига, 2001. – 367 с.
Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika / Sost. D.Yu. Arapov. – М.: ИКЦ Академкнига, 2001. – 367 с.
10. Мурзакевич Н. Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // *ЗООИД.* – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 249–329.
Murzakevich N. N. Rasporyazheniya svetlejshego knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo kasatel'no ustroeniya Tavricheskoy oblasti s 1781 po 1786 god // *ZOOID.* – Odessa, 1881. – T. 12. – S. 249–329.
11. Официальный отдел: Об изменении установленной Временным правительством 7 марта 1917 года формы присяги для лиц караимского вероисповедания // *Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1917.* – № 5–6. – 20 мая. – С. 4.
12. Oficial'nyj otdel: Ob izmenenii ustanovlennoj Vremennym pravitel'stvom 7 marta 1917 goda formy prisyagi dlya lic karaimskogo veroispovedaniya // *Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo Karaimskogo Dukhovnogo Pravleniya. Evpatoriya, 1917.* – № 5–6. – 20 maya. – S. 4.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗРИ-1). – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 21: 1781–1783.

**ФОРМУЛЫ ТЕКСТА ПРИСЯГИ ДЛЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАРАИМОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ...**

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1 (PSZRI-1). – SPb.: Tip. Vtorogo Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830. – Т. 21: 1781–1783.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗРИ-2). – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 4: 1829.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1 (PSZRI-1). – SPb.: Tip. Vtorogo Otd-ija Sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii, 1830. – Т. 4: 1829.

15. ПСЗРИ-2. – СПб., 1831. – Т. 5, Отд. 1: 1830.

PSZRI-2. – SPb., 1831. – Т. 5, Otd. 1: 1830.

16. ПСЗРИ-2. – СПб., 1832. – Т. 6, Отд. 2: 1831.

PSZRI-2. – SPb., 1832. – Т. 6, Otd. 2: 1831.

17. ПСЗРИ-2. – СПб., 1835. – Т. 9, Отд. 1: 1834.

PSZRI-2. – SPb., 1835. – Т. 9, Otd. 1: 1834.

18. ПСЗРИ-2. – СПб., 1843. – Т. 17, Отд. 1: 1842.

PSZRI-2. – SPb., 1843. – Т. 17, Otd. 1: 1842.

19. ПСЗРИ-2. – СПб., 1851. – Т. 25, Отд. 1: 1850.

PSZRI-2. – SPb., 1851. – Т. 25, Otd. 1: 1850.

20. ПСЗРИ-2. – СПб., 1868. – Т. 41, Отд. 1: 1866.

PSZRI-2. – SPb., 1868. – Т. 41, Otd. 1: 1866.

21. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 382.

Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA), f. 821, op. 8, d. 382.

22. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 383.

RGIA, f. 821, op. 8, d. 383.

23. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1152.

RGIA, f. 821, op. 8, d. 1152.

24. Свод военных постановлений 1869 года. Ч. 2. Войска регулярные, кн. 6. Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. изд. 2-е. – СПб., 1907. – [2], 304 с.

Svod voennykh postanovlenij 1869 goda. Sn. 2. Vojska reguljarnye, kn. 6. Komplektovanie vojsk i upravlenij, zavedenij i uchrezhdenij voennogo vedomstva. izd. 2-e. – SPb., 1907. – [2], 304 s.

Prokhorov D. A. The formulas of the text of the oath for the Crimean Tatars and Karaites in the legislative acts of the Russian Empire (late 18th – early 20th century)

The article discusses issues related to the transformation of the texts of the oath developed for the Crimean Tatars and Karaites, reflected in the legislative acts of the Russian Empire in the period from the end of the 18th to the beginning of the 20th century. Based on documents identified in the collections of the Russian State Historical Archive (RSIA, St. Petersburg) and the State Archive of the Republic of Crimea (SARC, Simferopol), some of which had not previously been introduced into scientific circulation, as well as published legislative acts and orders of the Russian government, documentation of regional authorities and bodies of confessional self-government of the Crimean Tatars and Karaites, traced changes in legal formulations that were introduced into the bilingual texts of the oath for the Crimean Tatar and Karaites populations of the empire. The various versions of the textual part of the oath used in judicial, military and civil practice (for example, in the oath of allegiance to the Russian throne, the Provisional Government, the oath for conducting a general survey in the Taurida province, for certificates in judicial instances, for enlistment in the ranks of the Russian army and navy, etc.) are analyzed. It is concluded that the variety of forms of oath developed for the old-timers of the Crimean peoples was aimed at the widespread incorporation of the non-native population of the country into Russian society.

Keywords: Crimea, Crimean Tatars, Karaites, oath, civil law, legislation